

DOI: 10.31648/PW.7672

AIGUL ZHUMABEKOVA | Айгуль Жумабекова

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4457-2687>

Abai Kazakh National Pedagogical University

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НОМАДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХОВ В «ДНЕВНИКАХ И ПИСЬМАХ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАЗАХСКИМ СТЕПЯМ» АДЛЬФА ЯНУШКЕВИЧА: ЛИНГВОПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Verbalization of Kazakh nomadic culture in the work of Adolf Januszkiewicz: linguo-translational aspects

ABSTRACT: This research studies the forms of verbalization of Kazakh nomad's culture (realias, toponyms and anthroponyms) in Polish language by Adolf Januszkiewicz, their translation into Russian and Kazakh, author's evaluation and commentary. The theoretical base of the research are the works on nomadology and linguistic translation. Translation model is described in relation to the texts that served as the material for the research. The causes of translation errors are revealed by comparing the original to the three translations using methods like continuous sampling, comparison, transformations, componential analysis, and reverse translation. It was found that, in Russian translation, errors are caused by the lack of knowledge of Kazakh linguistic culture and one-sidedness of the translation commentary, while in Kazakh translation, errors happened because of the intermediary translation due to language constraints, and the absence of scientific commentary.

KEYWORDS: Adolf Januszkiewicz, Kazakh nomadism, direct translation, intermediary translation, translation model, translation analysis, translation errors

1. Введение

Адольф Янушкевич (1803-1857) – польский и белорусский поэт, этнограф, революционный деятель. За участие в восстании 1830-31 гг. против колонизаторской политики Российской империи он был арестован и сослан на поселение в Сибирь, где пробыл около 25 лет. За это время ему приходилось несколько раз бывать в казахских степях.

Книга Янушкевича (2-й том его посмертного сборника дневников и писем) характеризуется нарастающей популярностью в Казахстане. Русский перевод, снабженный комментариями и словарем казахских реалий, осуществлен казахстанской исследовательницей Ф. И. Стекловой в 1966 г. под названием

«Дневники и письма из путешествия по казахским степям». В 1979 г. опубликован перевод с русского на казахский язык М. Сарсекеева под названием «Дневники и письма». Обе эти книги уже стали библиографической редкостью в нашей стране. Поэтому переиздание русского перевода в книжном (2005; 2007) и журнальном (2019-2019) форматах значительно облегчило работу с ним. В 2003 году к 200-летию Янушкевича вышел новый перевод на казахский язык Г. Зулхарова под названием «Записи о поездке в казахские степи».

Системное представление казахской номадической культуры в творчестве Янушкевича – тема фундаментального исследования, которое следует проводить на стыке наук. Предметом нашего изучения стали формы вербализации культуры казахских номадов (а именно реалий, топонимов и антропонимов) Янушкевичем на польском языке, авторская оценка, комментарий; их передача в переводах на русский и казахский языки.

Не считая публикаций в СМИ, о книге упоминается только в историко-литературоведческом и культурном аспектах (Сатпаева 2012; Бадовски 2005), лингвистический и переводческий анализ ранее не осуществлялся.

Современные технические возможности позволили нам работать с оригиналом (Januskiewicz 1875), размещенным в *Polona* – польской электронной библиотеке (<https://polona.pl>) в открытом доступе. Фактический материал составили также русский и казахский переводы книги.

Были использованы как общенаучные (анализ, синтез, обобщение), так и частные методы лингвистических и переводческих исследований: сплошной выборки, сопоставления, трансформации, компонентного анализа, обратного перевода и др.

2. Лингвопереводческий анализ в свете исследования казахского номадизма

Как указывает Н. Н. Крадин (2001, 108), до конца XIX в. в описании кочевых обществ как варварских господствовал европоцентризм – сейчас выделяются уже различные направления исследования номадизма как общественно-культурного явления (см. Энхтувшин 2015, 691-692). Мы используем в статье термин *номадизм* в его традиционном значении – как «особый вид производящей экономики» (Хазанов 2002, 83), а именно – «кочевой хозяйственно-культурный тип» (Масанов 1995, 5). Под *номадами* понимаются казахи-кочевники – так называл их Янушкевич в своей книге.

Казахский номадизм, сохранявшийся в своем классическом виде на протяжении всего XIX в., изучен достаточно подробно: реконструированы система материального производства, иерархия общественных отношений (Масанов 1995); исследованы этапы исторического развития (Кшибеков 1984;

Оразбаева 2005); раскрыты общественно-политические процессы, приведшие к его деформации в XX веке (Pianciola 2019); описаны особенности восприятия кочевого наследия на современном этапе (Ferret 2016).

Изучение же вербализации культуры номадов (например, на якутском фольклорном материале: Томская 2018), особенно в переводческом аспекте, на материале источников XIX в., остается актуальной задачей и сегодня.

Одним из древних пластов казахской лексики, складывавшейся на протяжении веков, являются онимы и реалии – существует также термин *ономастическая реалья*. Именно эти лексемы наиболее ярко отражают национально-культурную специфику казахского номадизма и в то же время являются наиболее трудными для перевода. Традиционно их относили в разряд непереводаемых, выделяя при этом способы и приемы их передачи на другой язык (Влахов | Флорин 1980). Современными исследователями уточняется, что о непереводаемости стоит говорить только на уровне целых текстов (Бузаджи | Ковальчук 2016, 62), следует различать безэквивалентность слов и непереводаемость текстов (Алексеева | Павлова 2020). Выделяя две современные стратегии перевода реалий, Н. А. Фененко указывает, что они отражают две различные концепции общей теории перевода: лингвистическую (ориентирующую на выбор определенной регулярной переводческой трансформации) и интерпретативную (нацеливающую на поиск эквивалентных средств выражения, передающих смысл исходного высказывания) (Фененко 2009, 127).

Учитывая временную характеристику создания оригинала, более точной считаем опору на выделенные Л. Венути стратегии форенизации и доместикизации (Venuti 1995). В рамках форенизации (нацеленной на сохранение формы оригинала) для передачи казахских онимов и реалий Янушкевич применяет в основном такие переводческие приемы, как транскрипция, транслитерация и описательно-разъяснительный перевод.

Для того, чтобы воссоздать процесс переводческих преобразований исходного текста Янушкевича с польского языка на русский, а затем с русского на казахский, мы используем метод моделирования. Ранее были описаны разные модели перевода, характеризующие типы взаимных корреляций знаков и структур исходного текста (ИТ) и переводного текста (ПТ). К примеру, в лингвокультурологической модели перевода С. В. Евтеева отражена «сеть» эквивалентных отношений между ИТ и ПТ по таким критериям, как функция, содержание, форма и лингвокультурная доминанта (ЛД). Под последней понимается «культурно специфическая структура содержания и формы ИТ, создающая переводческую проблему ее передачи в ПТ» (Евтеев 2014, 331). В этой модели ЛД являются родными для отправителя и чужими для адресата.

Анализируемый нами материал осложняется некоторыми обстоятельствами. Так, Янушкевич, будучи автором исходного текста (ИТ₁), выступает разъясняя для польского адресата элементы чужой культуры – лингвокуль-

турные доминанты (ЛД), к числу которых относятся реалии и онимы казахских номадов. Таким образом, ИТ₁ на польском языке, содержащий ЛД, становится переводным текстом (ПТ₁) на русском языке, который, в свою очередь, становится ИТ₂ для ПТ₂ и ПТ₃. При этом ЛД являются чужими в ИТ₁ для автора и адресата (поляков), неродными, но знакомыми в ИТ₂ для переводчика (русскоязычной казахстанки Стекловой) и адресата (русскоязычных читателей, интересующихся казахской историей и культурой), и родными – для переводчиков и адресата (казахов) в ПТ₂ и ПТ₃. Изобразим эти корреляции в виде схемы (рис. 1).

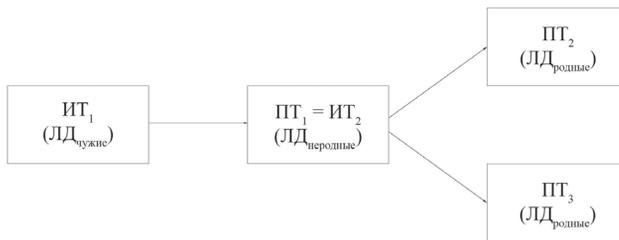

Рис. 1. Модель перевода книги Янушкевича на русский и казахский языки

Анализ отдельных топонимов, содержащихся в книге Янушкевича, проводился исследователями в определенном аспекте. Так, чтобы правильно передать в переводе наименование местностей, в которой побывал Янушкевич, Стеклова (2019, 103) прошла по следам его маршрута и нашла «таинственное урочище Ой-Джай-тау». Исследовательница выяснила, что раньше эта местность называлась *Ой-Жайлау* – именно это название (в его русифицированной версии *Ой-Джайляу*) вошло в русский перевод для передачи оригинального *Oj-džau-tau*.

Спустя 40 лет житель Восточного Казахстана Ш. Калиакпаров прошел по тому же пути, опубликовав исторический очерк. К примеру, было установлено, что безымянный в оригинале аул в урочище Караоткел недалеко от колодца и могилы Бозая называется *Торгай*, село *Климентьевка* переименовано в *Жана жол (Новый путь)*, а поселения *Как* теперь нет (Калиакпаров 2008).

2.1. Передача казахских реалий XIX в. в оригинале и переводах

Приведем отрывок, описывающий кочевку – основной принцип жизни казахского номадического социума:

- (1) Kirgizy tutejszego okręgu od miesiąca już zgórą rzucili swoje *kystawy*, to jest *koczowiska zimowe*¹. Nie masz dla nich przyjemniejszego dnia w całym roku,

¹ Здесь и далее разрядка наша – А. Ж.

jak ten, w którym, po kilkumiesięcznym spoczywaniu na jednym miejscu, mogą przymarzną do ziemi swoją jurte włożyć na garby wielbłądą, i z całym swoim dostatkim, ze wszystkimi swemi stadami koni, owiec i kóz, rozpoczą tę ciągłą wędrówkę, co się kończy dopiero aż za nastaniem śniegów i mrozów. Dzień ten jest dla nich dniem szczęścia i powszechnej radości (Januszkiewicz 1875, 37).

В этом, с одной стороны, документальном, а с другой стороны, эмоциональном описании кочевки прослеживается глубокое понимание автором менталитета казахских номадов – радости движения, охватывающей и людей, и животных, существующих в полной гармонии с природой, так как кочевки всегда происходили во время *наурыза* – праздника весны, символизирующего у кочевников наступление нового года, связанное с обновлением степи, таянием снегов и ростом травяных покровов – основного корма для скота (традиция праздновать наурыз, запрещенная в годы советской власти, сейчас возрождена).

Сами казахские реалии автором транскрибируются и поясняются в тексте:

- (2) saukłę (ubiór damski na głowę, w kształcie głowy cukru, niekiedy dwa i trzy tysiące baranów kosztujący, osypany drogimi kamieniami, perłami i monetą złotą) i fanzowa (*fanza*, jedwabna chińska tkanina) koszulę (33).
- (3) Sułtani stanowią jakby osobną klasę, *aksujuk* (bjała kość) (190).

Часты случаи, когда перевод предшествует транскрипции, что лишний раз доказывает владение Янушкевичем разговорным казахским языком, интерес к нему:

- (4) Wielka Horda – Ulu, Średnia – Urta, a Mała – Kczy (121).
- (5) czarną piką (kara najza) (182),
- (6) rody (ru), oddziały (taifa) (190).
- (7) Białe bydło (ak-mal) i czarne bydło (kara-mal) (223).

Иногда в книге автор подробно объясняет значение казахских слов, отражающих обычаи и уклад номадов:

- (8) *Sujunczi*: jeśli kto przyniesie komu jaką dobrą nowinę, trzeba mu dać cokolwiek, i ten dar nazywa się *sujunczi* (143).
- (9) [...] Kirgizy nazywają *bajgę* (gdyż zwykle towarzyszą jój wyścigi konne) (89).

Часто после объяснения реалий дается оценка автора:

- (10) [...] *ulanczych*. Są to *trubaduwowie kirgizcy, bardowie stepu, wieszcz*, których improwizacya, również jak talent wymowy, często natrafiany u Kirgizów, znakomicie świadczą o umysłowych zdolnościach tego ludu [...] (90).

В других случаях о значениях казахских реалий можно догадаться из контекста:

- (11) Kirgizy tyle mi nagadali o mnóstwie *niedzwiedzi i tygrysów* koczujących w tych górach, że ich “*kop aju, kop dżolbars*” budziło mnie ze snu (149).
- (12) [...] tak go tego poczęstował w nos *ajbałta*; [...] zamoczenie *czambarów* (ibidem, 149).

Автор, таким образом, удачно использовал все переводческие приемы введения реалий.

2.2. Передача топонимов в оригинале и переводах

Казахские поселения Янушкевичем описываются основательно, с историей их появления, современной для автора характеристикой, образными сравнениями и потенциалом развития (дана пророческая оценка Акмолы):

- (13) *Ajaguz*a, stolica jednego z siedmiu okręgów utworzonych w Średniej Hordzie przed piętnastą już laty, istniała o 35 wiorst poniżej nad rzeczką tegoż imienia (59).
- (14) *Akmołły* bowiem, przyszła stolica całego stepu, *Aktau, Atbassar, Kokbekty, Kyshmuryn*, są to wszystko stworzenia ostatnich czasów, co się porodziły i wzrosły w oczach moich (60).

Янушкевич не только транскрибирует, но часто совершенно правильно раскрывает семантику казахских топонимов: *Dzite-su* (siedmiorzeczny), *Агуну Катлы* (bistro płynąca rzeka), дает им географическую характеристику:

- (15) *Berg-kara* to jest twarda czorna góra (186).
- (16) *Koksu* (wpadająca do *Karatału*) (186).
- (17) *Ilia*, największa, jest granicą od Kara-Kirgizów (Burutów) (120).
- (18) *Karatał* (jedna z większych rzek kraju *Dzite-su*) (69).

Некоторые топонимы транскрибированы неточно, что отмечено Стекловой:

Сильно затрудняла дело неточность географических названий; книга набиралась с листочков, написанных весьма неразборчивым почерком автора (польский историк литературы Я. Одровонж-Пененжек, получивший доступ к парижским архивам Янушкевича, рассказывал, что он сидел, часами уставившись в одно слово, разбирая его по буквам). [...] Между реками Каракол и Урджар Янушкевич называет реку Игеу-су; на самом же деле эта река называется Егинсу. Автор записок упоминает реку Чынчы-лы, а речь идет о реке Чинжала (Стеклова 2019, 103).

Основной задачей для переводчиков на русский и казахский языки стала корректная транскрипция. Стекловой эта задача решена не в полной мере, в соответствии с принятыми на то время русифицированными элементами в передаче казахских слов. В обоих переводах на казахский язык такие топонимы легко «опознаны», им придана их фонетически корректная форма (в принятой на момент издания кириллице). Для сравнения мы даем в таблице 1 их современную латинскую графическую форму в рамках утвержденного перехода казахского алфавита на латиницу. Наличествующие диакритические знаки дают представление об имеющихся в топонимах специфических казахских фонемах, не имеющих аналогов в европейских языках (таблица 1).

Таблица 1. Топонимы в оригинале и переводах

Оригинал	Перевод Стекловой	Переводы Сарсекеева и Зулхарова	Современная латинская транскрипция
Iszym	Ишим	Есіл	Esil
Irtysz	Иртыш	Ертіс	Ertis
Semipolatyńsk	Семипалатинск	Семей	Semei
Kyshmurun	Кушмурун	Құсмұрын	Qusmuryn
Kokbekty	Кокбекти	Көкбекті	Kökrekti
Akmołly	Акмола	Ақмола	Aqmola
Ajaguza	Аягуз	Аякөз	Aiaköz
Aldžžan	Альджан	Альжан	Aljan
Tarbogataj	Тарбагатай	Тарбағатай	Tarbağatai
Dzite-su	Джетьсу	Жетісу	Jetisu
Sarym-sakty	Сарымсақты	Сарымсақ	Sarymsaq
Agyny Katly	Агыныкатты	Ағынықатты	Ağynyqatty
Czu	Чу	Шу	Şu
Kień	Тень	Бүйен	Büien
Kyzył-agacz	Кызылагач	Қызылағаш	Qyzylağaş
Ilia	Или	Іле	Ile
Ała-kul	Ала-Куль	Алақол	Alaqöl
Oj-džau-tau	Ой-Джайляу	Ой-жайлау	Oi-jailau

2.3. Передача антропонимов в оригинале и переводах

Бесценными для историков являются описанные Янушкевичем встречи с легендарными казахскими личностями и простыми людьми того времени. Например, отец великого мыслителя и поэта Абая Кунанбай, чье имя означает *кунан* ('молодой скакун') + *бай* ('богатый'), т.е. пожелание в будущем богатства, описывается так:

Syn prostego Kirgiza, obdarzony z natury zdrowym rozsądkiem, zadziwiająco pamięcią i wymową, czynny, gorliwy o dobro swych ziomek, biegły w stepowym prawie

i przepisach Alkoranu, znawca wszystkich ustaw rosyjskich dotyczących się Kirgizów, nieposzlakowanej bezstronności sędziego i przykładowy muzułmanin, plebejusz Kunanbaj zjednął sobie sławę wyroczni, do której, z najodlegszych aułów, młodzi i starzy, ubodzy i bogaci cisną się po radę (Januskiewicz 1875, 85-86).

Уникальны и описанные встречи с султаном Баракком, судьей Мауке, акынами (казахскими поэтами-импровизаторами) Орынбаем, Жанакком, Тобеком, слепой поэтессой Жазык, народным композитором-кюйши, домбристом Таттимбетом и многими другими. Все они словно оживают перед читателями благодаря мастерству рассказчика, подробно описывающего внешний вид и характер встреченных им людей, их социальную роль и статус в казахском обществе; при этом часты сравнения с европейскими образами:

- (19) Ów Talleyrand stepowy, ambasador o miedzianej twarzy i wypukłych policzkach, dyplomata sans gene w podróżnym chałacie, czambajach ze skóry marała i z kamicą za pasem (69-70).
- (20) [...] z rodu chana Ablaja. Jest to człowiek około lat 50, łagodnego wyrazu twarzy, skromny i wcale nie głupy (75).
- (21) W kwiecie jeszcze wieku, potomek chanów, wyprowadzający swój ród od Dżingischana, sułtan Barak, jest to człowiek okazalej postawy, szlachejnych rysów lica i nadzwyczajnej siły. Hojna natura w uposażeniu tego stepowego Herkulesa, obok niepospolitych zdolności umysłowych, wlała weń tęgi charakter i niestraszone męstwo (83-84).

Казахские антропонимы имеют прозрачную семантику, отражая старинный обычай номадов имянаречения. Казахи верили, что имя, данное ребенку при рождении, влияет на его дальнейшую судьбу, поэтому придавали этому огромное значение. Имя новорожденному давали в честь гостя, события, явления, и как бы странно такое имя ни звучало, оно закреплялось за человеком на всю жизнь. Считалось, что это принесет ребенку счастье. Не зная этого обычая, Янушкевич записал:

- (22) Kirgizy miewają czasem szczególniejsze nazwiska: dawniej spotkaliśmy *Pułkownika*, a dziś był przed nami jeden *Kapitan*, drugi *Jesak*, trzeci *Pan* (263).

В казахских именах отражается пожелание долгой жизни, богатства, счастья, дружбы, любви; неблагозвучные имена давались в надежде, что ребенок выживет, не привлекая внимания злых духов; есть арабские, иранские и персидские имена; так в казахском имянаречении сплелись тенгрианские и мусульманские верования (Керимбаев 1995).

Янушкевич, как российский чиновник (по долгу службы он участвовал в переписи и других мероприятиях), использовал метод транскрипции, ориентированной, конечно, на русское восприятие – так, как это было принято

в царской России. Это было предписано ему долгом службы при составлении отчетов и прочих документов. Поэтому в его записях встречаются как фонетически верное транскрибирование (*Kunanbaj, Barak, Kanaj, Nurali*, и др.), так и неточное – либо плохо расслышанное, либо принятое на тот момент официальными властями. Так, ошибочна транскрипция в написании имен акынов *Džunaj, Džazyk, Urunbaj*. Имя *Жанак* (от каз. *жан* ‘душа’+ *ақ* – в данном случае ‘светлый, чистый’) дается с пожеланием, чтобы человек обладал чистой душой, открытостью; в казахском языке нет фонем [дж], [ф], [ю], [ч], [ц], [в], поэтому передавать имена *Жанак, Жангир, Жусип, Жазык, Шон* в формах *Джанай, Джангир, Юсуф, Джазык, Чон* в русском переводе неверно. Не зря утверждение в новой латинской графике буквы *j* для передачи казахского [ж] вызвало массу споров среди специалистов.

Интересно, что транскрипция имени *Уали* (арабского происхождения, означает ‘близкий, друг’) в форме *Uwali* более правильная, чем в русском переводе: *Вали*.

Имянаречение *Орынбай* (от каз. *орын* ‘место’ + *бай* ‘богатый’) отражает пожелание, чтобы человек нашел свое место в жизни. Смешение же фонем [o] и [y], [o] и [a] ведет к коммуникативным ошибкам. В данном случае это неразличение слов с разной семантикой: *орын* ‘место’, а *урын(у)* ‘конфликтовать’. В русском переводе транскрипция правильная – *Орынбай*; также верна исправленная транскрипция имени султана *Шалгымбай* (в оригинале *Czołkonbaj*). В таблице 2 отражены все фонетические преобразования, принятые переводчиками (таблица 2).

Таблица 2. Антропонимы в оригинале и переводах

Оригинал	Перевод Стекловой	Переводы Сарсекеева и Зулхарова	Современная латинская транскрипция
Džunaj	Джанай	Жанак	Janaq
Urunbaj	Орынбай	Орынбай	Orynbai
Tiubek	Тюбек	Төбек	Töbek
Džazyk	Джазык	Жазык	Jazyq
Džangir	Джангир	Жәңгір	Jäŋgir
Uwali	Вали	Уэли	Uäli
Jusup	Юсуф	Жүсіп	Jüsip
Utiep	Утеп	Өтеп	Ötep
Czołkonbaj	Шалгымбай	Шалгымбай	Şalgymbai
Usman	Усман	Осман	Osman
Bijbit	Бейбит	Бейбіт	Beibit
Czon	Чон	Шон	Şon
Srym	Срым	Сырым	Syrym
Buleñ	Булень	Булен	Bulen
Adamiat	Адамсат	Адамзат	Adamzat

3. Переводческие потери, их причины и последствия

Переводы книги Янушкевича следует разделить на две группы: прямой русский перевод (польский – русский языки) и два казахских: *де-юре* опосредованных (польский – русский – казахский), а *де-факто* прямых (русский – казахский). Парадокс состоит в том, что книга польского автора является первоисточником для современных исследователей казахского номадизма. А поскольку казахстанским обществом востребованы его русские и казахские переводы и книгу часто цитируют, то встает вопрос, насколько точны имеющиеся переводы, в какой степени они близки к оригиналу. Анализ показал, что расхождения в некоторых местах довольно существенны.

3.1. Ошибки русского перевода

Перевод Стекловой выигрывает в тщательной предпереводческой работе, знании нюансов польского языка и фоновой пресуппозиции, наличии предисловия и комментариев, составлении словаря реалий и, вследствие всех этих факторов, характеризуется большой близостью к оригиналу.

Между тем этот перевод не избежал неточностей, касающихся, во-первых, передачи казахских реалий и онимов вследствие недостаточного владения казахским языком (примеры ошибочной транскрипции были рассмотрены нами выше), а во-вторых, переводческого комментария по отношению к оценке и позиции автора к описываемым событиям, явлениям и вещам.

Так, Н. Е. Кузенбаев отмечает, что определение *барымты* в словаре Стекловой как «насильственного угона скота» (Стеклова 2019а, 71), т.е. грабежа, неверно. «Барымта по своему первоначальному назначению – это захват чужого имущества, главным образом скота, для удовлетворения интересов обиженного. Такие действия допускались как способ исполнения судебных решений при наличии обоснованного требования» (Кузенбаев 2019, 174). Лексема *барымта* неверно транскрибирована в оригинале: *baranta* и оставлена в такой же форме в русском переводе: *баранта*.

В качестве примера субъективной трактовки исторических личностей приведем фрагмент из словаря Стекловой, поправляющей оценку Янушкевича:

Кунанбай Ускенбаев [...] отличался, по воспоминаниям современников, необычайной жестокостью и коварством. Некоторая идеализация Кунанбая в книге – результат субъективной оценки автора, не успевшего достаточно глубоко узнать подлинный характер властного правителя (Стеклова 2019а, 71).

Такое описание переводчицей Кунанбая отражает идеологическую установку советского периода наделять богатых, облеченных властью людей дореволюционного времени, характеризовавшихся как эксплуататоры

и угнетатели, только отрицательными оценками. Так, в романе М. Ауезова «Путь Абая» Кунанбай предстает одноглазым жестоким правителем, даже своим внешним видом внушающим всем, включая родного сына, только страх. Этот художественный образ, созданный известным и авторитетным казахским писателем, был широко растиражирован и воспринимался в общественном сознании как единственно правильный. К тому же к моменту выхода перевода Стекловой (в 60-е годы XX века) воспоминания современников Кунабая нигде не были опубликованы. Появившиеся в годы независимости Казахстана работы историков (Касымбаев 2004; Сыдыков 2020 и др.), опирающихся на документальные источники, свидетельствуют об обратном, характеризуя Кунабая как мудрого, справедливого султана, пользовавшегося большим уважением в казахской степи.

3.2. Ошибки казахских переводов

Несмотря на имеющиеся два варианта русско-казахских переводов, Сарсекеев и Зулхаров также не избежали потерь, причины которых видятся нам в следующем. Во-первых, оба переводчика не владели польским языком и не пользовались подстрочным переводом (что является обычной практикой для переводчиков художественной литературы). Приведем пример необходимости сверки с оригиналом (таблица 3).

Таблица 3. Прямой и косвенные переводы произведения Янушкевича

Оригинал Янушкевича	Перевод Стекловой	Перевод Сарсекеева	Перевод Зулхарова
Dzisiejszy Semipolatyńsk, wzniesiony na szczątkach ruin dawnej twierdzy Dżungoreów, liczy do 7,000 ludności, w znacznej części Tatarów, Taszkińców i Bucharów: [...] Język kirgiski w powszechnem prawie używany. <i>Pieć nawet piękna rosyjskiego plemienia</i> mówi nim biegle, jak nasze damy po francusku (Januskiewicz 1875, 13).	Сегодняшний Семипалатинск отстроенный на руинах старой крепости джунгаров, насчитывает до 7000 жителей, более всего татар, ташкентцев и бухарцев. [...] Киргизский язык употребляется почти повсеместно. Даже прекрасная половина российского племени бегло говорит на нем, как наши дамы по-французски (пер. Стекловой 2019, 112).	Жоңғарлардың қираған ескі қорғандары орнына салынған бүгінгі Семейде 7000 тұрғын бар. Мұның басым көпшілігі татарлар, ташкенттіктер мен бухаралықтар. [...] Қазақ тілі барлық жерде дерлік қолданылады. Тіпті, дәулеті мен мәдениеті асқан орыстардың басым көпшілігінің өзі, біздің әйелдеріміздің француз тілінде сөйлесетіні сияқты, қазақша сөйлей береміз (пер. Сарсекеева 1979, 23).	Жоңғарлардың қираған ескі қалалардың орнына салынған Семейде 7 мыңға тарта тұрғын бар, олардың көбі татарлар, ташкенттіктер, бухарлықтар. [...] Қазақ тілі барлық жерде дерлік қолданылады. Тіпті мұндағы сән-салтанаты асқан ресейліктердің тең жартысы, біздің әйелдеріміздің французша сөйлейтініндей, осы тілде еркін сөйлейді (пер. Зулхарова, 2003, 24).

В первом варианте перевода *российское* племя названо *русским*, авторское *до 7000 жителей* превращено в категоричное *7000 жителей*; во втором переводе джунгарские *крепости* названы *городами* (здесь и далее перевод с казахского наш – А. Ж.).

Ошибкой обоих переводчиков является фраза *прекрасная половина*, которую Сарсекеев называет *большинством*, а Зулхаров – *половиной зажиточного российского населения*. На самом деле речь в оригинале идет о прекрасной половине, т.е. о российских женщинах. В этом мы убедились, обратившись к оригиналу: *plęć pięćna* (дословно: *прекрасный пол*).

Во-вторых, имеются пропуски и ошибки при передаче тех мест оригинального текста, которые связаны с описанием и оценкой автора-европейца реалий, отражающих образ жизни и менталитет кочевников. Так, в описании кочевки казахскими переводчиками опущен следующий отрывок, имеющийся в русском переводе:

- (23) *Pies nawet, to wzgardzone i najniezczęśliwsze stworzenie u Kirgiza, co za wierne usługi często dni kilku i kości nie widzi, ochoczo bieży za stadem, marze o myszach polnych, swoim zwyczajnym pożywieniu* (39).
- (24) *Даже пес, самое презренное и несчастное существо у киргиза, что за верные услуги часто по несколько дней и кости не видит, охотно бежит за стадом, мечтая о полевых мышках, своей обычной пище* (пер. Стекловой 2019).

Это важный момент характеристики отношения казахов к собакам, отраженный в языке, например, во фразеологизмах и поговорках (за исключением охотничьих гончих особой казахской породы – *тазы*, которых хозяева держали всегда рядом с собой в юртах):

- (25) *Pies, jako aram (nieczysty) nie ma prawa wchodzić do jurty; jeśli to wszak że czart, i doskonały, który sprawia swemu panu rozrywkę i łapie lisy, wtedy on nie od da go ani za dziesięć koni, trzyma w jurcie i nawet śpi z nim razem* (223).

В описании байги (конного соревнования) *10 верст* переводчиками переданы на казахский язык как *10 шақырымдық* ‘10 километров’. Это значимо для казахского реципиента, поскольку конные соревнования издревле строго разграничивались в зависимости от расстояния. Есть разные виды байги: на короткие, средние (как раз о такой байге идет речь в книге – около 15 км), длинные и сверхдлинные дистанции. Действительно, сверившись с оригиналом:

- (26) *Oto na pagórku wbita pika, oznacza początek mety; drugi jej koniec o wiorst dziesięć* (168) *Вот на бугорке воткнута пика, означающая начало бега. Поворот – верст за 10 отсюда* (пер. Стекловой 2019, 168). *дословно: На бугорке воткнута пика, означающая начало старта, другой конец (метка, пика) – верст за десять.*

выясняем, что русский перевод верен по содержанию, будучи неточным по форме (применена переводческая трансформация – компенсация: вместо слова *конец* использована лексема *поворот*; более точно было бы: *другая пика*), а в казахских переводах – ошибка содержательная, связанная с неправильным количественным (метрическим) показателем.

Далее, в оригинале и русском переводе речь идет о ливийской (т.е. африканской) жаре:

(27) [...] i to w *upał*, z którym tylko *libijski* walczyć śmiały o pierwszeństwo (159).

(28) и это в жару, с какой могла бы соперничать только ливийская! (пер. Стекловой 2019, 168). дословно: и это в *жару*, с которой только *ливиец* осмелился бы бороться за первенство’.

В казахском переводе Зулхарова прилагательное *ливийская* заменяется *индийской* и относится не к *жаре*, а к *лошадям*:

(29) Мұндай сайысқа, меніңше, үнді аттары ғана шыдай алуы мүмкін деймін» (пер. Зулхарова 2003, 98). дословно: По моему мнению, такие соревнования могут вынести только *индийские* лошади.

Это переводческая ошибка, связанная с неправильно понятым русским текстом, и введение читателя в заблуждение.

Янушкевич описывает *айтыс* – словесное состязание известных в степи акынов (поэтов) Орунбая и Жанака:

(30) Zapał w obu coraz bardziej się wzmagał i rozniecał zaciętą walkę: był to zajmujący widok! (94).

(31) [...] a choćby i dali swoje kości, i pies by ich nie jadł (95).

Эти отрывки оригинала в казахских переводах опущены (тогда как в русском переводе переданы близко к оригиналу), между тем первый отрывок является важной частью хронологического описания айтыса с его оценкой:

(32) Страсть у обоих все возрастала и разжигала острую борьбу. Это была захватывающая картина» (пер. Стекловой 2019, 143).

Второй отрывок отражает резкий стиль Жанака, которому автор явно симпатизирует в этом состязании:

(33) А если бы и дали свои кости, их бы и собака не ела (пер. Стекловой 2019, 144).

Справедливости ради следует отметить, что таких примеров немного. Для будущих переизданий переводов на русский и казахский языки эти замечания, надеемся, будут приняты во внимание.

4. Заключение

Наиболее яркими репрезентантами культуры казахских номадов являются реалии, топонимы, антропонимы. В своем исследовании мы поставили задачу выявить способы их вербализации в эпистолярном наследии Янушкевича на польском языке. Установлено, что в рамках стратегии форенизации для передачи казахских онимов и реалий Янушкевич применил такие переводческие приемы, как транскрипция, транслитерация, описательно-разъяснительный перевод (последний представлен как в тексте писем, так и в авторских оценках и комментариях).

Опираясь на методологические установки лингвистического переводоведения, используя методы сопоставления, трансформации, компонентного анализа, обратного перевода, мы выявили обоснованность применения этих приемов в оригинале Янушкевича, степень их сохранения в русском и казахских переводах, а также причины переводческих потерь.

Установлено, что в русском переводе ошибки связаны с пробелами в знании казахской лингвокультуры (неточной транскрипцией казахских онимов), односторонностью переводческого комментария, а в казахском (неоправданные сокращения, неверные эквиваленты отдельных лексем) – с опосредованным характером перевода, обусловленного незнанием языка оригинала, и отсутствием научного комментирования.

Впервые описанная нами модель переводов применительно к текстам, послужившим материалом исследования, демонстрирует изменение статуса лингвокультурных доминант, репрезентирующих казахскую номадическую культуру, в польском оригинале, русском и казахском переводах. Данная модель может быть использована при изучении казахского номадизма на материале других языков, а именно при лингвопереводческом анализе русских и казахских переводов документальных свидетельств очевидцев – ученых, миссионеров, военных, путешественников на английском, немецком, французском, персидском и других языках, которые ранее были предметом лишь исторического анализа.

Библиография

- АЛЕКСЕЕВА, М. Л. | ПАВЛОВА, А. В. (2020), Непереводимость текста и безэквивалентность слов. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. XI/2, 455-469. [Alekseyeva, M. L. | Pavlova, A. V. (2020), *Neperevodimost' teksta i bez-ekvivalentnost' slov*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. XI/2, 455-469.]
- БАДОВСКИ, Р. (2005), Польские певцы Казахстана. Алматы. [Badowski, R. (2005), *Pol'skiye pevtsy Kazakhstana*. Almaty.]
- БУЗАДЖИ, Д. М. | КОВАЛЬЧУК, А. В. (2016), Сущность, причины и виды непереводимости. В: *Мосты*. 1 (49), 58-70. [Buzadzhi, D. M. | Koval'chuk, A. V. (2016), *Sushchnost', prichiny i vidy neperevodimosti*. In: *Mosty*. 1 (49), 58-70.]
- ВЛАХОВ, С. | ФЛОРИН, С. (1980), Непереводимое в переводе. Москва. [Vlakhov, S. | Florin, S. (1980), *Neperevodimoye v perevode*. Moskva.]
- ЕВТЕЕВ, С. В. (2014), Лингвокультурологическая модель перевода. В: *Вестник Брянского государственного университета*. 2, 329-331. [Yevteyev, S. V. (2014), *Lingvokul'turologicheskaya model' perevoda*. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2, 329-331.]
- КАЛИАКПАРОВ, Ш. (2008), Адольф Янушкевичтің ізімен: Тарихи очерк. Семей. [Kaliakparov, S. (2008), *Adol'f Yanushkeviching izimen: Tarikhi ocherk*. Semey.]
- КАСЫМБАЕВ, Ж. (2004), Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. Алматы [Kasymbayev, Zh. (2004), *Starshiy sultan Kunanbay Oskenbayev i yego okruzeniye*. Almaty.]
- КЕРИМБАЕВ, Е. А. (1995), Казахская ономастика в этнокультурном, номинативном и функциональном аспектах. Алматы. [Kerimbayev, Ye. A. (1995), *Kazakhskaya onomastika v etnokul'turnom, nominativnom i funktsional'nom aspektakh* Almaty.]
- КРАДИН, Н. Н. (2001), Кочевники в мировом историческом процессе. В: *Философия и общество*. 2 (23), 108-138. [Kradin, N. N. (2001), *Kochevniki v mirovom istoricheskom protsesse*. In: *Filosofiya i obshchestvo*. 2 (23), 108-138.]
- КУЗЕНБАЕВ, Н. Е. (2019), Комментарии. В: *Простор* 3, 174-178. [Kuzenbayev, N. Ye. (2019), *Kommentarii*. In: *Prostor* 3, 174-178.]
- КШИБЕКОВ, Д. (1984), Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата. [Kshibekov, D. (1984), *Kochevoye obshchestvo: genezis, razvitiye, upadok*. Alma-Ata.]
- МАСАНОВ, Н. Э. (1995), Кочевая цивилизация казахов. Алматы-Москва. [Masanov, N. E. (1995), *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov*. Almaty-Moskva.]
- ОРАЗБАЕВА, А. И. (2005), Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы. [Orazbayeva, A. I. (2005), *Tsivilizatsiya kochevnikov yevraziyskikh stepey*. Almaty.]
- САТПАЕВА, Ш. К. (2012), Казахско-европейские литературные связи XIX и первой половины XX века. В: *Классические исследования*. Т. 4: Связь времён и сравнительное литературоведение. Алматы, 14-295. [Satpayeva, Sh. K. (2012), *Kazakhsko-yevropeyskiye literaturnyye svyazi XIX i pervoy poloviny XX veka*. In: *Klassicheskiye issledovaniya*. Т. 4: *Svyaz' vremën i sravnitel'noye literaturovedeniye*. Almaty, 14-295.]
- СТЕКЛОВА, Ф. И. (2019), Адольф Янушкевич и его книга. В: *Простор*. 3, 90-109. [Steklova, F. I. (2019), *Adol'f Yanushkevich i yego kniga*. In: *Prostor*. 3, 90-109.]
- СТЕКЛОВА, Ф. И. (2019а), Словарь. В: *Простор*. 4, 71-72. [Steklova, F. I. (2019a), *Slovar'*. In: *Prostor*. 4, 71-72.]
- СЫДЫКОВ, Е. (2020), Кунанбай. Москва. [Sydykov, Ye. (2020), *Kunanbay*. Moskva.]
- ТОМСКАЯ, М. (2018), Вербализация культуры номадов в текстах якутской волшебной сказки. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. IX/2, 253-262. [Tomskaya, M. (2018), *Verbalizatsiya kul'tury nomadov v tekstakh yakutskoy volshebnoy skazki*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. IX/2, 253-262.]

- ФЕНЕНКО, Н. А. (2009), Две стратегии перевода реалий. В: Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1. 121-128. [Fenenko, N. A. (2009), Dve strategii perevoda realiy. In: Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 1. 121-128.]
- ХАЗАНОВ, А. М. (2002), Кочевники и внешний мир. Алматы. [Khazanov, A. M. (2002), Kochevniki i vneshniy mir. Almaty.]
- ЭНХТУВШИН, Б. (2015), Номады и номадизм: традиции и современность. В: Известия Иркутской государственной экономической академии. 25/4, 691-699. [Enkhtuvshin, B. (2015), Nomady i nomadizm: traditsii i sovremennost'. In: Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. 25/4, 691-699.]
- ЯНУШКЕВИЧ, А. (1966), Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. Алма-Ата. [Januszkiewicz, A. (1966), Dnevnik i pis'ma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam. Per. s pol'skogo F. Steklovoy. Alma-Ata.]
- ЯНУШКЕВИЧ, А. (1979), Күнделіктер мен хаттар. Мукаш Сарсекеев аудармасы. Алматы. [Januszkiewicz, A. (1979), Kündelikter men khattar. Mukash Sarsekeev audarmasy. Almaty.]
- ЯНУШКЕВИЧ, А. (2003), Қазақ даласына сапар туралы жазбалар. Ғабит Зұлхаровтын аудармасы. Астана. [Januszkiewicz, A. (2003), Kazak dalasyна sapar turaly jazbalar. Fabit Zulkharovtyn audarmasy. Astana.]
- ЯНУШКЕВИЧ, А. (2019), Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. В: Простор. 3, 110-178. [Januszkiewicz, A. (2019), Dnevnik i pis'ma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam. Per. s pol'skogo F. Steklovoy. In: Prostor. 3, 110-178.]
- ЯНУШКЕВИЧ, А. (2019а), Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. В: Простор. 4, 11-75. [Januszkiewicz, A. (2019a), Dnevnik i pis'ma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam. Per. F. Steklovoy. In: Prostor. 4, 11-75.]
- ЯНУШКЕВИЧ, А. (2005), Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. Алматы. [Januszkiewicz, A. (2005), Dnevnik i pis'ma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam. Per. s pol'skogo F. Steklovoy. Almaty.]
- ЯНУШКЕВИЧ, А. (2007), Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. Библиотека казахской этнографии. Т. 29. Астана. [Januszkiewicz, A. (2007), Dnevnik i pis'ma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam. Per. s pol'skogo F. Steklovoy. Biblioteka kazakhskoy etnografii. T. 29. Astana.]
- JANUSZKIEWICZ, A. (1875), Zywoť Adolfa Januszkiewicza I jego listy ze stepow kirgizkich. T. 2. Berlin. In: <https://polona.pl/item/zywoť-adolfa-januszkiewicza-i-jego-listy-ze-stepow-kirgizkich-t-2,OTI5MDQwMTc/6/#info:metadata> [accessed 4.07.2021].
- FERRET, C. (2016), The Ambiguities of The Kazakhs' Nomadic Heritage. In: Nomadic Peoples. 20 (2), 176-199.
- PIANCIOLA, N. (2019), Nomads and the State in Soviet Kazakhstan. In: <https://oxfordre.com/asianhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-314> [accessed 4.07.2021].
- VENUTI, L. (1995), The translator's invisibility: A history of translation. London – New York.